

– Мы должны признать, что в вопросах гуманного отношения к любым мировым проблемам безнадёжно плетёмся в хвосте, и так было всегда, и поэтому нам за ними никогда не угнаться, – покуривая самокрутку с привезённым голландским табаком, ужасался загоревший и подтянутый Черепанов.

– Как ты пришёл к такому выводу, Ромашка, а точнее, когда? – поинтересовался с улыбкой у друга детства Шадрин.

– Там! Ты не поверишь, там видится всё иначе, я бы сказал: спадает пелена с глаз, и ведь что обидно, она у нас с рождения. Мы застряли в советском мышлении, никак не можем избавиться от этих пут, сковывающих нашу свободу, – расплылся Черепанов.

– Мне до конца непонятно, что ты имеешь в виду? Можно точнее, искреннее, я бы сказал, – произнёс Шадрин, внимательно посмотрев на Черепанова.

– Я вообще в ужасе оттого, что он начал. Никогда ему этого не прошу! А моя мама? Как она постарела, она вообще не могла несколько месяцев приехать в свой собственный дом, а это её дом, пусть он в другой стране, но ей там хорошо, и почему она должна себя в этом стеснять? – возмутился Черепанов.

– Она сейчас ещё здесь? – поинтересовался Шадрин.

– Как она может быть здесь? Это невыносимо! Всё! Она уже гуляет по побережью Атлантического океана и правильно питается, не как у нас. В Португалии никто не употребляет рыбу, если после времени её отлова прошло несколько часов. Дай бог, чтобы виды на залив Риа-Формоза, архитектура монастырей святого Франциска и капуцинов, замка Фару и особняка Белмарку восстановили мою маму. Я очень переживал за неё, когда был там, буквально сходил с ума, – со страдальческим лицом произнёс Черепанов.

– Ей и отцу было тяжело без тебя? – всё так же спокойно продолжил расспрос Шадрин.

– Ты представляешь, что ей пришлось пережить? Как ей было невероятно страшно за меня! Она понимала, что дорога опасна. Вначале я был в Грузии, потом из Тбилиси перебрался в Стамбул, и слава богу, всё прошло благополучно. Я не изнывал, как все эти нищоброды на границе в Верхнем Ларсе, не замерзал в палатке возле Военно-Грузинской дороги, я всё решил заранее и заплатил за это немало. Поэтому немного побыв в Тбилиси, свалил оттуда, ведь Грузия хороша на две, максимум три недели с горами, которые надоедают, и кухней, которая приедается, и вдобавок набираешь ненужную массу, а так третьеразрядная страна и нищая к тому же. В Стамбуле другое дело. Помнишь, я звонил тебе и ностальгировал, но мы говорили недолго? – спросил Черепанов.

– Да, – посмотрев в окно, бросил Шадрин.

– Так вот, в Стамбуле вначале чувствовал себя одиноко. Один в большом городе, который тебе чужой, и всё вокруг чужое, и ты всем чужой. В это время заказы в нашей фирме упали до минимума, мы и так бедствовали после начала спецоперации, а после мобилизации стало вообще ужасно. Я как соучредитель, младший компаньон и генеральный директор стал получать двадцать пять тысяч. Вся наша клиентура ушла, а мы её годами наработывали. Больше нет никого! Ни американцев, ни англичан, ни немцев, ни французов, даже вшивых скандинавов нет. Думал – банкроты, но вот со временем к нам стали обращаться наши, даже оборонка, в общем, война нам помогла, так сказать, государство реабилитировалось перед нами.

Да, так вот о Турции, со временем наших становилось всё больше и больше, а сам знаешь, как радостно всегда за границей встретить русского человека, услышать родной язык. В течение месяца, максимум двух у нас образовалась прекрасная компания, и ты не поверишь, мы стали болеть за местные футбольные клубы, понимать турецкую речь, а потом даже небольшой футбольный тотализатор устроили для избранных и платёжеспособных. Среди нас были небольшие, но дружеские и решаемые разногласия. Мой круг болел за «Галатасарай», а были ребята, которые стали болельщиками «Фенербахче» и «Бешикташ», но были и те, которые ставили на стамбульские «Фатих Карагюмрюк», «Истанбулспор» или «Касымпаша». В основной массе в нашей компании были москвичи и питерцы, которых было даже больше, а ещё много ребят приехало из Екатеринбурга и Краснодара. В общем, турецкая футбольная суперлига сейчас на подъёме, а у нас футбол, сам понимаешь, впереди многолетняя изоляция. Поэтому я наш футбол вообще перестал смотреть и им интересоваться, даже о любимом нашем «Спартаке» забыл. Мне стало всё равно – с железнодорожниками он играет или с армейцами... Просто неинтересно! Впрочем, как и всё, что здесь сейчас происходит. Наши спортсмены положили свои жизни на алтарь любимого дела, и что их теперь ждёт? Нищета? Будут менять гражданство и выступать за другие страны, и я их поддерживаю. Это правильно! Вся эта ситуация давит! Полнейшая дисгармония от этой псевдопатриотической вакханалии, – Черепанов прикурил от потухшей сигареты и продолжил:

– Когда время подошло к Новому году, я решил вернуться. Но моя мама, боже мой, не могу забыть её голос, когда она мне сказала, что лучше мне не возвращаться в Россию. Она словно похоронила меня. Я места себе не находил от её слов. Она слёзы сдержала, но что с ней было потом? Никогда это не узнаю. Моя бедная мама, какой стресс. И всё из-за чего? А точнее, из-за кого? – Черепанов выдохнул табачный дым и терпкий запах со вкусом фруктов распространился вокруг. Казалось, он вот-вот заплачет.

– Как же вы всё это пережили? – потупив взгляд, спросил Шадрин.

– Я решил ехать на Бали. Точнее, мне предложили, и я всё же решился – и не пожалел. Не хотел убивать своим возвращением мать. Потом, ты же знаешь, как я хотел раньше вояжировать по миру, и вот моя мечта сбылась. Правду говорят, что если чего-то очень сильно хотеть, то это обязательно сбудется. Но были, конечно, и проблемы. Пришлось на Бали добираться через Оман. Тоже, конечно, не сахар. Оман же граничит с Саудовской Аравией, Объединёнными Арабскими Эмиратами и Йеменом и живёт исключительно за счёт нефти, а значит, и за счёт нефтедоллара. В общем, там, конечно, пришлось потратиться в этой пустыне. Несколько дней провели в Маскате, который омывает красивый Оманский залив, были там в двух живописных бухтах, погуляли по берегу Аравийского моря. Сам знаешь, что стресс лучше всего снимает водный простор. В этом есть какая-то водная магия. Бухать там можно только в отелях, по стране не поездишь, дорого и в некоторых местах нельзя в открытой одежде, в общем, арабская дикость. Слава богу, мы оттуда свалили, – сжав ладони и приподняв глаза вверх, сказал Черепанов.

– А потом? – безучастно поддержал разговор Шадрин.

– А потом Бали! Страна реального и неповторимого комфорта. Работал по удалёнке, каждый вечер собирались компанией и выпивали, но, конечно, не нажирались, как у нас принято, хотя сколько там не выпивай, есть рецепт, снимающий любое похмелье. Там такая трава, что небольшой косяк перед сном – и никакого отходняка. Встал, позавтракал, потом на пляж и начал работать. Вот кокаин, зараза, странный, держит всего минут сорок, а платить приходилось по двенадцать тысяч за грамм. Реально дорого! Балийки какие! Но себе цену знают, это не тайки. Я там чуть не влюбился! Мы для них экзотика. Знаешь, а в Таиланде кофе-шопов со шмалью больше, чем супермаркетов, причём везде, хоть в Бангкоке, хоть в Пхукете, поэтому и люди вокруг уже к полудню все разгруженные. Куала-Лумпур вообще не забыть, процветающее место! Так что Малайский архипелаг никогда не забуду, с какими людьми я там подружился! Вообще иной уровень цивилизованности. Французы, немцы, голландцы, датчане, шведы, норвежцы – все тебе рады, очень хорошо относятся. Так было приятно! Там в наших беседах всегда меня позиционировали как человека с европейским мышлением, плевались от наших, которые с чувством вины признавались, что они русские, заискивали перед всеми вокруг. Я спокойно сказал, откуда я, и ничего не стеснялся, поэтому контакт был полный, и с украинцами тоже. Это настоящее единение! Мы все были истинной Европой, и ценности наши были одинаковыми. Все говорили, что геополитика – это дерьмо, в которое не надо залезать. Есть работа, есть возможности реализовывать свои капиталы, и надо быть благодарными судьбе, что так случилось, а не иначе. Какая война! Двадцать первый век! Они правильно рассуждают, что всё происходящее у нас их не волнует. Наш мир им неинтересен. Только мы всё готовим себя к войнам, чего-то боимся, всех вокруг настраиваем против себя, а надо просто жить и быть равноправными членами высшей цивилизации. Быть подлинными европейцами, осознающими, что это великая привилегия – быть членом европейской семьи, это значит, состоять в мировой, я бы сказал, во вселенской знати на все времена. Быть элитой мира! – жестулируя руками, выпалил Роман Черепанов.

– Даааааааааааа, дела... – протянул Шадрин.

– Ты сегодня какой-то странный, дружище, – заметил Черепанов и продолжил: – Я тебе всё рассказываю и рассказываю, а ты как будто не здесь, вроде не рад мне...

– Нет, нет, Ромашка, я всё внимательно слушаю, и всё ты рассказываешь интересно: и про влажные вечнозелёные тропические, и про листопадные, и про горные леса, и про саванны, да и про обезьянок с белками, и про летучих мышей... Заслушаться можно! Ты Светлану Александровну из дома напротив давно видел?

– Про каких обезьянок? – с недоумением спросил Черепанов и удивлённо воскликнул: – Ты про учительницу нашу?

– Да, – ответил Шадрин.

– Саш, конечно, давно, а что такое? – смутился Черепанов.

– Сына у неё мобилизовали. Ушёл на следующий день после объявления, с работы вернулся, а повестка уже ждала. Девчонка его к нему в зону СВО приехала, и там они расписались, а он накануне свадьбы матери завещание выслал на дом, который они ему с отцом на двадцатилетие подарили. Сама Светлана Александровна с каким потрясающим самообладанием, какой твёрдый характер, спокойная и весёлая. Недавно встретил её, а она мне говорит, что наше дело учительское – уроки профессионально выстраивать, а сыну я так и сказала, что главное, чтобы людям ни тебе, ни мне не стыдно в глаза смотреть было. Не зря она заслуженный учитель России. К историку нашему давно на страницу не заходил в Интернете? – продолжил Шадрин.

– Давно, а что, у него какая-то статья вышла? – неуверенно спросил Черепанов.

– Зайди посмотри. Он с гуманитарной миссией в Луганске был, а оттуда в Северодонецк и Лисичанск ездил, и в Донецке был, и в Мариуполе. Игрушки и одежду, которую школьники собирали, художественную литературу и учебники в школы, детские дома и садики привозил, так что нашими учителями гордиться можно, – внимательно посмотрел в глаза Черепанову и добавил: – Они нас вместе с тобой учили Родину любить, а за неё сосед наш Рамзан Батукаев жизнь под Мариуполем отдал.

– Молодцы какие! Я всегда к ним с уважением относился, а вот Рамзана жаль, я к нему хорошо относился, хоть он и... – не договорил Черепанов, поймав напряжённый взгляд Шадрин, а потом закурил и как-то, извиняясь, попросил:

– Давай сегодня посидим вдвоём, я настоящую турецкую водку привёз, раки называется. И травы с Бали нам для тонуса.

– Ты же знаешь, что к траве я равнодушен, а выпивать сейчас не могу – Великий пост идёт, да и мне на службу пора. Завтра хочу причастие принять. Впереди ведь седмица святой преподобной Марии Египетской, а она какой вдохновенный пример преображения для всех нас. Словно своей жизнью показала, что нет ничего, что нельзя было бы исправить. Богослужение в её честь одно из самых красивых, порой мне кажется, что это действие связано с литературой, историей, а главное – с подлинной романтикой. Она была откровенна к себе, я бы сказал, беспощадна. Она пришла к великому раскаянию. Признала свои пристрастия к алкоголю и беспорядочным половым связям и утвердилась в хронике человеческого бытия на все времена, всех народов, любой из конфессий. Рассказ о потерянной душе и её последующем спасении не простая история, которую церковь вспоминает каждый год, во время Великого поста – это прямая параллель с евангельской притчей о блудном сыне. Задумайся, – негромко и спокойно сказал Шадрин.

Короткую паузу в разговоре прервал Черепанов: – Да, да, конечно, прости, а что это у тебя при входе за коробки? Я, когда заходил, одну задел ногой и чуть не упал.

– А ты не разглядел, что на них написано? – стоя спиной к другу детства, сказал Шадрин.

– «Mavic», но что это за фирма? – смущённо продолжил Черепанов.

– Это квадрокоптеры, – объяснил Шадрин.

– А зачем они тебе? – удивился Черепанов.

– Сразу видно, что ты только вчера вернулся из зоны комфорта, – улыбнулся Шадрин.

– Тебе что, сложно объяснить? – не отставал Черепанов.

– Да отвезти попросили на выходные. Завтра как раз успеваю на утреннюю службу в Новодевичий монастырь, причащусь, а потом в дорогу, – сказал Шадрин.

– Ты что, подрабатывать стал по выходным? – рассмеялся Черепанов.

– Дружище, не у всех есть такие заботливые родители, как у тебя. Поэтому кому-то приходится трудиться в выходной день или брать отпуск за свой счёт, чтобы обеспечить необходимую доставку этих игрушек гражданского предназначения, от которых зависят сегодня жизни и судьбы, – протянул Шадрин, выключив свет в прихожей и открывая входную дверь.

– Так бы сразу и сказал, что на перепродажу. Вообще дроны – нормальная тема, если будет интересно, то я мог бы вложиться, – обрадовался Черепанов.

– Давай на выход, вкладчик, а то оставлю тебя одного в вечной темноте, – сквозь зубы порекомендовал Шадрин, который стоял уже на лестничной площадке.

